

УДК 82.091(=1.4)/(=1.9)

**«НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ» ЗАДАЧА НАЦИОНАЛЬНОГО АВТОРА
В ОСМЫСЛЕНИИ В. Г. БЕЛИНСКОГО**

Орехов В. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь
E-mail: v-orehov@mail.ru

В статье прослеживается эволюция теории В. Г. Белинского о роли русской литературы в развитии мировой литературы. Утверждается мысль, что разработанная В. Г. Белинским концепция национальной и мировой роли русского литератора явилась откликом на идеологический запрос, существовавший в русской литературе, и представляет собой обобщенную, теоретически завершенную систему взглядов, консолидировавшую творческие усилия авторов и нацеливавшую эти усилия на достижение общенациональной цели. Умозаключения Белинского обеспечили теоретической базой, существовавшее в русской литературе и в русской читательской аудитории представление о национальной значимости национально-представительской роли литератора.

Ключевые слова: национальный имидж, творческая индивидуальность, Белинский, национальное своеобразие.

ВВЕДЕНИЕ

Постижение природы творческой индивидуальности – одна из наиболее сложных задач литературоведения, поскольку творческая индивидуальность рождается в результате синтеза множества разнородных факторов, одни из которых имеют личностный характер (талант, жизненный опыт, эстетические пристрастия, межличностные связи и т. д.), а другие – общий (исторический контекст, литературные традиции, литературная партийность и т. д.). Среди факторов общего характера представляется целесообразным учитывать и общенациональные литературные цели, которые для всякой эпохи и для каждой национальной литературы весьма специфичны. Эти цели определяются посредством своеобразных литературных «идеологий», способных на определенных этапах литературного процесса придать творческим усилиям отдельных авторов общее направление, совместить «горизонты» авторских устремлений и читательских ожиданий. И, думается, именно в контексте этих «идеологий» следует объяснять особенности творческой тактики тех или иных литераторов той или иной эпохи.

Так, применительно к русской литературе первой половины XIX в. легко заметить постоянно усиливавшуюся тенденцию: стремление литераторов приобрести популярность не только в России, но и среди европейских читателей. Это, разумеется, может объясняться авторским тщеславием (обычным явлением для любой эпохи). Но только ли этим?

Нас должно насторожить, что зарубежные успехи российских литераторов воспринимались как предмет гордости не только самими литераторами, но и российской критикой, читательской аудиторией. Положим, и это можно объяснить тщеславием, в данном случае – национальным. Но и здесь существует обстоятельство, которое заставляет искать более существенное объяснение. Дело в том, что успехи русских авторов за рубежом не просто переживались в России на уровне коллективных эмоций, а становились предметом частных и публичных литературных дискуссий, подвергались осмыслению в историко-культурном контексте. А стало быть, российская реакция на внимание европейцев к русской литературе диктовалась не только эмоциями, но и убеждениями. Полагаем, что в наиболее четкой, логичной форме эти убеждения были сформулированы В. Г. Белинским.

Цель нашей статьи – доказать, что разработанная В. Г. Белинским концепция национальной и мировой роли русского литератора явилась откликом на идеологический запрос, существовавший в русской литературе, и представляет собой обобщенную, теоретически завершенную систему взглядов, консолидировавшую творческие усилия авторов и нацеливавшую эти усилия на достижение общенациональной цели. При этом необходимо решить следующие **задачи**: доказать, что «национально-представительская» роль автора являлась объектом осмысления русскими литераторами; проследить эволюцию идей В. Г. Белинского о мировом значении русской литературы; оценить значение концепции В. Г. Белинского для процесса продвижения русской литературы к мировому читателю. **Объект** статьи – роль литератора как представителя отечественной литературы за рубежом, **предмет** – осмысление В. Г. Белинским национальных и «наднациональных» задач русских литераторов и русской литературы в целом.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Рост личной популярности вызывает трансформации и в авторском сознании, и, следовательно – в творческой тактике автора. Эти преобразования связаны с тем, что растущая популярность меняет статус литератора, ставит перед ним новые задачи, накладывает новую ответственность. Так, на определенном уровне известности репутация автора выходит за границы национальной читательской аудитории и превращается в компонент общенационального имиджа. При этом читатель стремится делегировать знаменитым отечественным авторам роль представителей *своей* национальной культуры за рубежом, и автору, как правило, известно об этом возросшем уровне читательских ожиданий. Так было, например, с А. С. Пушкиным. В письме от начала декабря 1825 г. Е. А. Баратынский зывал к нему: «Возведи русскую поэзию на ту ступень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело – признательность и удивление» [6, с. 253]. В 1830 г. подобный призыв обращал к Пушкину С. П. Шевырев: «Ты русских дум на все лады орган! / Помазанный Державиным-предтечей, / Наш депутат на европейском вече, / Ты – колокол во славу россиян!» [5, с. 191]. Пушкин и сам сознавал, что русская литература должна быть выведена на европейский уровень известности, и готов был подбадривать литературных соратников для продвижения их к европейскому читателю. Весной 1825 г., убеждая А. А. Бестужева взяться за создание романа, он предрекал перспективу подобного начинания: «Вообрази: у нас ты будешь первый во всем значении этого слова; в Европе также получишь свою цену – во-первых, как истинный талант, во-вторых, по новизне предметов, красок etc...» [6, с. 156]. Анализируя знаменитые имена русских литераторов, Пушкин примерял к ним роль возможных представителей русской литературы в Европе. Перечитав «всего Державина», летом 1825 г. он делился с Дельвигом: «Ей богу, его гений думал по-татарски – а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости национальной не скажем всего, что мы знаем об нем» [6, с. 179]. Зададимся вопросом, как вообще в литературных

представлениях России того периода расценивалась национально-представительская роль автора?

Литератор, создавая произведение, стремится «вписать» его в поток литературной жизни и вместе с тем осуществить посредством этого произведения новый шаг в развитии литературы. Точно так же и отдельная национальная литература стремится осознать свое место в кругу других национальных литератур и определить сущность своего вклада в копилку мировой литературы. Однако чтобы определить, в каком направлении движется литературное развитие, чтобы угадать его стратегические цели, необходимы точки отсчета. Необходимы ориентиры, которые позволили бы и литераторам, и читателям оценить, какое же произведение действительно является шагом вперед, а какое ведет в тупиковом направлении.

На узких интервалах эти ориентиры обнаруживаются легко. Так, например, для литературы натурализма главным показателем достоинств произведения служит точность отражения реальности. Но ведь понятно, что подобный показатель совершенно не применим в масштабе значительной эпохи, в русле которой взаимодействует несколько литературных школ и направлений. Ясно, что, скажем, русская романтическая литература и русская реалистическая литература ставили перед собой разные задачи и цели, но ведь ясно и то, что существовали некие цели, которые в равной мере преследовали и писатели-романтики, и реалисты – те цели, которые ставила перед собой национальная литература в целом.

Для русской литературы XVIII в., думается, подобной стратегической целью было освоение тех достижений, к которым уже пришли передовые литературы Европы. Когда эта цель была во многом достигнута, появилась необходимость в поиске новой, глобальной перспективы. Кто-то предлагал в качестве абсолютной цели усовершенствование классицистических начал, кто-то – осмысление действительности с позиций романтизма, кто-то – видел главнейшую задачу отечественной литературы в точном отображении национальной жизни, а кто-то – в абстрагировании от реальности, в том числе и национальной. Но все эти цели были слишком мелки, чтобы наполнить смыслом набравшее темп движение русской

литературы, которая постоянно наращивала свои масштабы, интересы и разнообразие форм.

Осмыслить логику движения русской литературы, выяснить ее стратегическую цель весьма последовательно стремился и В. Г. Белинский. В первой же крупной работе «Литературные мечтания» (1834) Белинский начал выстраивать модель развития русской литературы и определять значимость того или иного автора в рамках этого развития. Сразу же стало очевидным и то, что в качестве основного критерия оценки он избрал вклад авторов в создание самобытной, действительно национальной русской литературы – будь то отразившие «народный дух» басни Крылова или переводы и «переделки» Жуковского, познакомившие российского читателя с литературой Англии и Германии.

Но вот важный момент – говоря о Жуковском, Белинский подытоживал так: «Жуковский есть поэт <...>, оказавший русской литературе неоцененные услуги, поэт, который никогда не забудется <...>; но вместе с тем и не такой поэт, которого б можно было назвать поэтом собственно русским, имя которого б можно было провозгласить на европейском турнире, где соперничают *народными* славами» [1, т. 1, с. 49]. Эта мысль пока проскальзывает будто случайно, к слову. Да и выглядит она как-то противоречиво: Жуковский для России хороший поэт, но Европе его показывать не стоит. Так хорош или плох все-таки поэт Жуковский?

Через 7 лет в статье «Русская литература в 1840 году» Белинский снова вернулся к этой проблеме. Он заявил, что до Пушкина русской литературы не было, а «вместо нее была словесность – ряд <...> явлений, вышедших не из родной почвы русского духа, а из подражаний чужим образцам...» [1, т. 1, с. 714] То есть Белинский снова предлагает в качестве оценочного критерия – степень национальной самобытности авторского творчества. Но теперь он находит логический поворот, который позволяет устранить противоречие между оценками национального и мирового значения писателя. И вот как это происходит.

Карамзин, Жуковский и Батюшков, полагает Белинский, развивали в своих сочинениях «не содержание русской жизни», а знакомили русских «с содержанием европейской жизни». В их произведениях отсутствовало «сознание» русского народа,

не выражалось его «миросозерцание». А следовательно, их творчество, рассуждает Белинский, – это «знакомство России с Европой, а не Европы с Россией». «Только с Пушкина, – продолжает Белинский, – начинается русская литература, ибо в его поэзии бьется пульс русской жизни. Это уже не знакомство России с Европой, но Европы с Россией» [1, т. 1, с. 712]. Таким образом, оценочная система, предложенная Белинским, логически «закольцевалась»: автор, внесший вклад в создание русской национальной литературы, одновременно вносит вклад и в общеевропейскую литературу, поскольку обогащает ее потоком самобытной национальной культуры. Значит, автор, завоевавший непреложный авторитет в отечестве, должен заслужить признание и за рубежом. Но система «закольцевалась» на уровне теоретическом, а на деле оказывалось, что, например, Пушкин, по определению Белинского, наиболее самобытный русский поэт, так и оставался в Европе малоизвестен, а стало быть, и не признан.

Белинский, как видно, пока не мог объяснить этого несоответствия между теорией и действительностью, но, несомненно, объяснение искал. В 1842 г. в следующем годовом обзоре русской литературы он вернулся к изложению своего видения истории русской литературы. Карамзина он снова отнес к авторам, уже выполнившим свою функцию и потерявшим значение в новых условиях, поскольку произведения его, считает Белинский, «не могут быть переведены ни на какой европейский язык». «Что бы нашла в них Европа, из чего бы поняла она в них, что он великий писатель?» [1, т. 2, с. 143] – обосновывал Белинский свое мнение. А вот о европейском значении Пушкина теперь Белинский говорил подробнее.

«Если Пушкин найдет достойных переводчиков, – предполагал критик, – то не может не обратить на себя изумленного внимания Европы; но все-таки он не может быть там оценен по достоинству: этому всегда помешает объем и глубина содержание его поэзии, далеко не могущие состязаться с объемом и глубиной содержания, каким проникнута поэзия великих представителей европейского искусства... Иностранец, коротко ознакомившийся с Россией и ее языком, не может не признать в Пушкине, как в художнике, мировой творческой силы, которой нечего бояться чьего бы то ни было соперничества, <...> но те произведения Пушкина, в которых он выходил на

историческую почву жизни и которых величие и колоссальность необходимо зависит от содержания, покажет ему, что Пушкин, слишком рано родившись для России, слишком рано и умер для нее...». «Сказанное о Пушкине можно применить и к Гоголю» [1, т. 2, с. 172], – заключал Белинский.

Реальность заставляла его вносить коррективы в собственные теоретические построения, и он был готов признать, что русская литература, хотя и приобрела уже индивидуальные национальные черты, но еще не готова выступить в «соперничество *народными* славами» на общеевропейском уровне. Если в отношении Пушкина европейский читательский вакуум можно было списать на трудность перевода стихотворных текстов, то чем же могла объясняться неизвестность за границей Гоголя, как только не слабым уровнем развития российского национального начала? По сути, Белинский не отказался напрочь от той мысли, что достоинства российского писателя, по самому большому, счету определяются его европейским признанием, но сделал вывод, что *пока* русская литература не готова к мировой конкуренции. В том же 1842 г. он заявил об этом весьма категорично в статье о «Мертвых душах». «<...> Гоголь великий русский поэт, не более, – писал Белинский, – “Мертвые души” его – тоже только для России и в России могут иметь бесконечно великое значение. Такова пока судьба всех русских поэтов; такова судьба и Пушкина. Никто не может быть выше века и страны <...>. Немногое, слишком немногое из произведений Пушкина может быть переведено на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанционального достоинства; но из Гоголя едва ли что-нибудь может быть передано!» [1, т. 2, с. 300] То есть выходило довольно неутешительное самопризнание: своя литература у нас уже есть, но выставить ее перед европейцами в качестве достижения мирового масштаба мы пока не можем.

Между тем Белинский продолжал оценивать российских авторов по мере их вклада в мировую литературу, будто забыв собственное утверждение, что никто из них пока вклада этого сделать не мог и не может, поскольку не может опередить общее развитие своего отечества. «Пиндара, Анакреона и Горация, – писал Белинский в 1843 г., – читает весь просвещенный мир на их родных языках и в

бесчисленном множестве переложений: в Державине ничего не найдет ни француз, ни англичанин, ни немец» [1, т. 2, с. 555].

И вдруг... В 1845 г. в Париже вышли переведенные на французский язык повести Гоголя. Более того, в парижской печати они удостоились самых лестных отзывов. «*Journal des Débats*» приравнял Гоголя к лучшим европейским писателям, «*Illustration*» назвал его самым оригинальным из русских авторов, а «*Revue des Deux Mondes*» поместил целую статью знаменитого Сен-Бева о Гоголе [4, с. 555]. Трудно переоценить то значение, которое имело это событие для Белинского. Действительность наконец подтвердила верность его логически выстроенных установок: наиболее национальный, по его мнению, русский литератор одновременно явился во Франции самым ярким представителем русской литературы. В обзоре русской литературы за 1845 г., отрекаясь от недавних своих суждений о Гоголе, Белинский заявил: «Его уже давно знает вся читающая Россия; теперь его знает и Европа» [1, т. 3, с. 15].

Теперь в логической цепочке последнее звено встало на свое место, и Белинский мог со спокойной душой развивать свою теорию соотношения между национальным и мировым значением художника. В «Петербургском сборнике» (1846) он рассматривал с точки зрения европейской востребованности уже не отдельных авторов, а целые выделенные им периоды русской литературы. «Ломоносов и Карамзин имеют *для нас* великое значение, – рассуждал он, – но попробуйте перевести их сочинения на любой европейский язык, – и вы увидите, станут ли европейцы читать их <...>. Они скажут: “мы давно уже прочли все это у себя дома; дайте нам русских писателей”. <...> Итак, целый период русской литературы решительно не существует для Европы» [1, т. 3, с. 41]. Можно представить, что для Белинского соблазн был велик, чтобы взять да и заявить, что теперь, мол, настал новый период – период Пушкина, Лермонтова и Гоголя – и он-то уж призван стать эпохой вхождения русской литературы в Европу. На основании перевода гоголевских повестей это заявить было можно. Но европейская популярность Пушкина и Лермонтова росла слишком медленно. И, видимо, потому Белинский ограничился весьма умеренным заявлением, что новый период русской литературы может

заинтересовать европейцев, но «только в известной степени». «<...> Хотя в творениях Пушкина и Лермонтова, – пояснял критик, – видна душа русская, ясный, положительный русский ум, сила и гибкость чувства, – однако ж эти качества виднее нам, русским, нежели иностранцам, потому что русская национальность еще не довольно выработалась и развилась, чтобы русский поэт мог налагать на свои произведения ее резкую печать, выражая в них общечеловеческие идеи» [1, т. 3, с. 41].

В главном, однако, Белинский оставался непреклонен: европейский успех писателя, по его убеждению, является высшим показателем художественных достоинств. В статье о «Петербургском сборнике» он снова писал о Гоголе: «И вот, когда французский перевод нескольких его повестей доставил ему громкую известность в Европе, – теперь и самые враги его таланта <...> уже не решаются говорить о нем прежним языком...» [3, т. 3, с. 65] А дабы «враги гоголевского таланта» не воспринимали французский успех Гоголя как случайность, Белинский сообщал, что «Тарас Бульба» уже переведен и на немецкий язык, в связи с чем Прусская всеобщая газета отметила, что «талант Гоголя приобрел в Европе *классическую* известность» [1, т. 3, с. 87].

Когда в 1847 г. читатель открывал первый номер обновленного «Современника», то обнаруживал в нем обзор русской литературы за предыдущий год и новые соображения Белинского – все на ту же тему: о европейском престиже русских авторов. «Мы дождались, наконец, до того, – начинал критик с повторения уже давно высказанного, – что перевод нескольких повестей Гоголя на французский язык обратил на русскую литературу удивленное внимание всей Европы, – говорим *удивленное*, потому что переводы русских романов и повестей на иностранные языки делались и прежде, но, вместо внимания, порождали в иностранцах совсем не лестное для нас невнимание к нашей литературе, по той причине, что эти русские повести и романы, переведенные на их языки, они считали, напротив, переводами с их языков: так чужды они были всего русского, всякой самобытности, оригинальности» [1, т. 3, с. 648–649]. Но любопытнее всего, какой вывод из этих наблюдений делал Белинский на сей раз.

Мы уже вели речь, что Белинский настойчиво стремился определить ту роль, которая суждена в европейской истории русскому народу, и в конце концов приходил к такому оптимистическому заключению: «Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль <...>» [1, т. 3, с. 655]. Иными словами, Белинский утверждал, что российский национальный престиж вырастет в Европе настолько, что европейские народы будут воспринимать народ русский с уважением и вниманием, станут прислушиваться к нему; но чем мог Белинский подтвердить такое заявление? Он, конечно, мог сослаться, как это часто и делалось, на громкие победы российского оружия, на географические преимущества России и проч. Однако Белинский, доказывая будущий взлет российского международного престижа, обращался к предмету, ему более близкому, – к истории русской литературы. «Она существует всего каких-нибудь *сто семь лет*, – замечал Белинский, – а <...> в ней уже есть несколько произведений, которые потому только и интересны для иностранцев, что кажутся им непохожими на произведения их литератур, следовательно, оригинальными, самобытными, то есть национально русскими» [1, т. 3, с. 655]. Итак, логическая цепочка, предложенная Белинским, замкнулась по глобальному кругу: если русский автор национально самобытен, то он заслужит мировое признание; если заслужит мировое признание – он станет представителем своего народа в мировой литературе; если он добился этого представительства – он вполне национально самобытен.

Конечно, выстраивая эту схему, Белинский зачастую имел возможность опираться лишь на единичные факты, которым он, скорее всего, интуитивно придавал обобщающее значение. Ведь, например, повести Гоголя, хотя и удостоились похвал французской критики, но не имели в Европе такого успеха, как, скажем, произведения Бальзака, Дюма и т. д. Почему же Белинский придал их переводу несравнимо большее значение, нежели переводам из других российских авторов? Почему сделал вывод, что именно последователи Гоголя завоюют признание европейцев? Ведь он видел, что произведения не менее национальных писателей Лермонтова и Пушкина не слишком увлекают европейскую публику.

Не мог он не знать, что и его собственные статьи в Европе переводятся. Еще в 1843 г. на основе его работ в Лейпциге в журнале «Летопись славянской литературы, искусства и науки» был составлен на немецком языке очерк о русской литературе [3, с. 437–438]. В 1844 г. статья Белинского о «Парижских тайнах» Э. Сю была помещена в немецкой «Газете для эlegantного мира» [3, с. 474]. В 1847 г. французский журнал «La revue Indépendante» не только ссылался на работы Белинского, но и провозгласил его видным представителем новой школы, которая «стала во главе литературы и прогресса в России» [3, с. 498]. Почему же после этого Белинский не стал воспринимать самого себя в качестве полномочного представителя русской литературы в европейском мире? На каком основании он убежденно предрекал эту роль именно художнику Гоголю и его последователям, хотя поначалу сам сомневался в возможности перевода сочинений Гоголя на иностранные языки?

Загадки авторской интуиции неизъяснимы, но, думается, если бы Белинский прожил тремя-четырьмя десятками лет более и пронаблюдал стремительно возросшую за это время европейскую популярность Тургенева, Толстого и Достоевского, то он сумел бы воспользоваться очевидными подтверждениями своей мысли, которую вынашивал годами.

Впрочем, напомним, что на уровне обыденного читательского восприятия, а зачастую и на уровне критических оценок, как мы уже видели, европейское признание автора и ранее воспринималось как высшая заслуга. Признание автора за рубежом воспринималось и как подтверждение его мастерства, и как особая заслуга перед собственной литературой. Так, И. И. Дмитриев в своей автобиографии, доказывая исключительность достижений Карамзина-историка и защищая его от критических нападков соотечественников, указывал, что тома «Истории Государства Российского» были «с поспешностью переведены на языки французский, итальянский и немецкий, заслужили от европейских журналов лестные отзывы» [2, с. 322]. Европейская популярность автора, как правило, автоматически закрепляла за ним право на роль представителя русской литературы за рубежом. Но связь между национальной значимостью литератора и его мировым значением, между его самобытностью и его правом на представительство в мировом литературном

процессе оставалась неосознанной, спорной, признаваемой лишь по частному факту. В осмыслении Белинского эта связь приобретала вид логически выведенной и подтвержденной опытом закономерности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы приходим к **выводу**, что рассуждения Белинского обеспечили теоретической базой существовавшее в русской литературе и в русской читательской аудитории представление о значимости национально-представительской роли литератора. Русские авторы, конечно, и без того стремились завоевать европейское признание, и без того они сознавали, что личный успех за рубежом означает одновременно и ответственность за поддержание национального авторитета, но теперь с очевидной ясностью было доказано, что представительская роль писателя подчиняется не столько соображениям личного честолюбия, сколько требованиям национального самосознания. Стало очевидным, что стратегическая цель отечественной литературы – выход на мировую арену, где русская литература могла бы «соперничать *народными* славами». А из этого следовало, что в качестве высшей заслуги литератора перед отечественной литературой, да и перед отечеством вообще, является его мировое признание.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Собр. соч. В 3-х т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1948. – Т. 1–3.
2. Дмитриев И. И. Сочинения [Текст] / И. И. Дмитриев. – М.: Правда, 1986. – 592 с.
3. Литературное наследство. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 56: В. Г. Белинский. – Ч. II. – 625 с.
4. Некрасов Е. С. Гоголь перед судом иностранной литературы, 1845–1885 гг. [Текст] / Е. С. Некрасов // Русская старина. – 1887. – Кн. IX. – С. 553–571.
5. Поэты 1820–1830-х годов: В 2-х т. [Текст]. – Л.: Советский писатель, 1972. – Т. 2. – 765 с.

6. Пушкин А. С. Полное собр. соч. В 19-ти т. [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1994. – Т. 13. – 684 с.

References

1. Belinskii V. G. Sobranie Sochinenii. V 3-kh T. [Collected Works in 5 Volumes]. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatelstvo Khudozhestvennoi Literatury, 1948. 3 v.
2. Dmitriev I. I. Sochineniya [Works]. Moscow: Pravda Publ., 1986. 592 p.
3. Literaturnoe Nasledstvo [Literary Heritage]. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1950. V. 56: V. G. Belinskii, part II. 625 p.
4. Nekrasov E. S. Gogol pered Sudom Inostrannoi Literatury, 1845–1885 gg. [Gogol in the Estimates of Foreign Literature, 1845–1885]. Russkaya Starina, 1887, v. IX, pp. 553–571.
5. Poety 1820–1830-kh Godov: V 2-kh t. [Poets of the 1820s-1830s]. Leningrad: Sovetskii Pisatel Publ., 1972, V. 2. 765 p.
6. Pushkin A. S. Polnoe Sobranie Sochinenii. V 19-ti t. [Complete Works in 19 Volumes]. Moscow: Voskresene Publ., 1994, V. 13. 684 pp.

THE THEORY BY BELINSKY ON THE INTERNATIONAL TASK OF THE NATIONAL AUTHOR

Orekhov V. V.

Summary. The well-known Russian literary critic V. G. Belinsky for many years created a theory which formulates the tasks of national Russian literature. Belinsky sought to determine what role Russian literature should play in the development of world literature. He was also interested in the question about Russian writers' representation of Russian literature achievements in Europe. It is important to note in those times these questions were of great interest to very many Russian writers and readers. Belinsky's view was changing and developing. According to the critic, the European reader can be interested only in original Russian writers who are guided by national Russian traditions. Thus, original Russian writers will be able to enrich world literature. Belinsky was able to prove that Russian literature should not imitate European literature. The main goal of Russian literature is the development of original national traditions that will be of interest to readers around the world. The main aim of the Russian writer is to achieve world popularity. Belinsky believed that this would enrich world literature and improve the Russian national image.

Keywords: national image, creative individuality, Belinsky, national identity.